

БЕЛОБРЫСЫЙ, задиристый школьник в фильме «А если это любовь?», остроумный и немного застенчивый ветеринар Роман в «Три плюс два», упоенный своим «умением жить» машиновладелец в «Берегись автомобиля!», элегантный жулик-наудачник в «Бриллиантовой руке», блистательно владеющий ралией Маркиз в «Достоинии республики», искренний и пылкий, павший жертвой своего воображения Грушницкий в телефильме «Страницы дневника Печорина» и, наконец, Остап Бендер, еще один Остап, эксцентричный и чуть трагический, непобедимый и неуязвимый, несомненный эпицентр телеэкранизации Марком Захаровым «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова...

Андрея Миронова зрители любят. Одни — за виртуозную технику, которой он зарекомендовал себя в мюзиклах и водевилях, требующих от актера, кроме незаурядной пластики, большого чувства меры, умения балансировать на тончайшей грани, отделяющей изысканство от легковесности. Другие — за остроумие, каскад трюков и фееричные эксцентрики, танцев и песен в кинокомедиях, третьи — за способность быть таким серьезным и по-современному интеллектуальным в драматических ролях. Герои Миронова узнаваемы, адрес его сатирических выпадов точен, и все же образы, созданные им на сцене театра и кино, никогда не бывают «бытовыми», сохраняя магию и очарование подлинного искусства.

Но за что бы ни ценили Миронова зрители — за способность вызывать веселый смех или, напротив, наводить на серьезные размышления, поклонники его таланта признают за ним не только внешнее обаяние, но и высокий профессионализм, непостижимую способность, меняя маски, сохранять свою индивидуальность, состоящую из таинственной смеси юмора и грусти, стремительной раскованности движений и напряженной пульсации мысли. Герои Миронова заполняют собой экранное или сценическое пространство, они всегда активны и действенны, но их бытовая край жизнерадостности не бывает грубой, ранимой. Даже в фильме «Старки-разбойники», где артист играл юного приспособленца, победоносно устраняющего пожилого соперника, его жестокость и нахальство так позорно черкнули и гротескны, что сами по себе являлись уже поводом для смеха... Актер умеет «углубить» даже банальные ситуации, сообщить своим героям второй план, как бы отраженный свет высокого идеала.

Несмотря на сравнительно ранний и заслуженный успех в кино, несмотря на то, что в настоящее время он является ведущим актером одного из лучших театров Москвы — театра сатиры, творческие возможности Андрея Миронова, очевидно, еще не полностью раскрыты. Ведь он молод, впереди много времени для любого поворота его актерской судьбы. В последнее время Миронов тяготеет к ролям драматическим и даже трагическим.

Процесс работы популярного актера над ролями в кино и в театре, его взгляды на свою профессию, его гражданское кредо — все это составило предмет беседы специального корреспондента «Комсомольского знамени» Т. САТАЕВОЙ с заслуженным артистом РСФСР **АНДРЕЕМ МИРОНОВЫМ**.

— В театре сатиры я видела два спектакля с вашим участием: «Ревизора» и «Горе от ума». Первый поставлен несколько лет назад, второй — одна из последних премьер театра. Роли Хлестакова и Чацкого настолько противоположны по своей сущности, что редко достаются одному и тому же актеру. Те зрители, которым вы дороги как комедийный актер, скорее представят вас Хлестаковым, другие с радостью узнают вас в Чацком — таком юном и пылком, непримиримом и бескомпромиссном. Ваш Чацкий личность настолько незаурядная и светлая, что нет сомнения: 14 декабря он будет на Сенатской площади. Мне лично больше понравился этот образ и весь спектакль в целом. В «Ревизоре» непривычным показалось обилие эксцентрики, гротеск в обрисовке персонажей, знакомых со школьной скамьи в реалистической трактовке.

— Мне как исполнителю, по своему дорожа обоими спектаклями и обоими героями. Я шел к ним сложно и по-разному. Хлестаков, на мой взгляд, фигура далеко не смешная, а скорее трагическая. Это маленький человек, забитый и затерянный в огромном городе, человек, до которого обществу нет никакого дела. И вдруг, по ошибке, случайно, он на день-два ощутил себя кому-то нужным, кем-то чтимым. Ключом к его образу для меня являются слова: «Меня нигде так не принимали». Пребывание Хлестакова в городе Н. — звездный час его жизни. Мне жалко его, когда в конце спектакля карета увозит его в небытие... Как мыльный пузырь, только что переливавшийся всеми красками, он лопается без следа...

Всех, кто любит и хорошо знает бессмертную комедию Грибоедова, интересует вопрос, как мог Чацкий, умнейший человек, который на голову выше всех в доме Фамусова, «метать бисер перед свиньями», развешивать то, что и не требует разоблачения? Монологи его прекрасны и глубокомысленны, но кто его слушает? Ничтожество. Ключом к такому неадекватному поведению Чацкого, на мой взгляд, является его беззаветная любовь к Софье. Встретив ее холодный прием, он поневоле присматривается к ней, и с болью и ужасом видит, что она — порождение зла, дитя того лицемерного и холодного общества, которое он презирает... Задетый за живое, ужаленный ревностью, он теряет контроль над собой, срывается...

— А не обидит ли подобное акцентирование на любовных мотивах образ Чацкого-обличителя?

— Влюбленность Чацкого не исчерпывает содержание образа. Она просто объясняет его поведение. Без этого живого человеческого чувства, понятного каждому, его монологи становятся несколько дидактичными, внезапный взрыв обличительного пафоса — необоснованным.

— Значит, для вас, как для художника, важнее эмоциональное содержание образа, чем мысль, в нем заключенная?

— Я этого не сказал. Деление в искусстве на «интеллектуалов» и людей, творящих на эмоциях, мне кажется надуманным. Даже в точных науках, открывая новые звезды и доказывая теоремы, ученые испытывают при этом сильные чувства. Правда, во время зарубежных гастролей нам, советским артистам, приходится видеть «интеллектуальные» спектакли, построенные на одном рационализме, отточенные и холодные, волнующие разве что узкий круг знатоков. Столь же однобоким, бескрылым было бы, наверное, искусство сугубо эмоциональное, лишенное четкой и оригинальной мысли.

Когда наш театр ставил пьесу «Дон-Жуан, или любовь к геометрии», автор ее, прогрессивный швейцарский писатель Макс Фриш приезжал к нам в гости. Он советовал играть «легко, прозрачно, как бы танцуя», поскольку в его пьесе не

жизнь, а философская схема. Не знаю, прав ли я, но такая трактовка мне чужда. Мой Дон-Жуан теряет любимую девушку, отца, по его вине погибает друг... Разве все это можно играть без эмоций? Принцип отрыва мысли от чувства чужд природе русского театра, который всегда гордился как высокими идеями, так и богатой сферой чувств. Я думаю, что этот принцип вообще чужд подлинному искусству. Когда я работаю над ролью, я сначала уясняю себе ее главную мысль, то, что я собираюсь нести людям, а потом эта мысль вызывает во мне соответствующие эмоции...

— Андрей Александрович, а часты ли в вашем творчестве случаи, когда ваше личное мнение о той или иной сыгранной вами в театре или кино роли не совпадает с мнением друзей, критиков, зрителей, товарищей — словом, людей, чье слово для вас важно?

— Сколько угодно. Такое расхождение неизбежно. Все люди читают книги, видят варианты постановок, экранизаций, разных актеров в одной и той же роли. У каждого человека свой юмор, часто один смеется там, где плачет другой, читая любимую книгу, все

оказывается фигурой вовсе не комедиантой, а героической. Трудно забыть эпизод, когда Мартиз отказывается стрелять в беззащитно-прекрасные картины и скульптуры и убивает главаря банды, чтобы уступить изрешеченным пулями, возле спасенной им красоты. Хотелось бы, чтобы эта роль положила начало героическим и романтическим образам в нашем творчестве... Жаль только, что в кино мы редко встречаем вас в этом амплуа.

— Именно это подчас меня и удручает. В театре я играю и Дон-Жуана в спектакле по философской пьесе Фриша, и Всеволода Вишневского в спектакле по пьесе А. Штейна «У времени в плену» — человека, бесконечно преданного делу революции, живущего как бы на одном дыхании, и непримиримого Чацкого и Фигаро в бессмертной комедии Бомарше, то есть роли разноплановые и далеко не смешные. А в кино мой репертуарный список далеко не так ярок. Правда, и сетовать мне особенно не на что: сыграл я вроде не так уж много, и все же зрители меня знают... Тревожит меня только, что знают, возможно, не таким, каков я на самом деле... Кроме того, многие режиссеры боятся экспериментировать, приглашать актеров на роли качественно новые. Одни всегда играют бюрократов, другие — простачков, третьи — передовых рабочих. Это, на мой взгляд, обедняет наше кино. Вот почему сейчас я нигде не снимаюсь: выжидаю. Чувство ответственности перед зрителями, перед собой не дает мне права соглашаться на заведомо неинтересные роли.

— На что уходит у вас, время вынужденного простоя?

— О каком простое может идти речь, если я актер театра? Здесь мой родной дом, моя школа, где я научился всему, что умею. Здесь мой первый коллектив, мои наставники и друзья. Свободное время я трачу на то, чтобы ходить в другие театры, читать, просто отдыхать и думать. Кроме спектаклей, я выступаю в концертах — сыгранные мною в театре роли уже дают мне возможность составить монолог, включающий отрывки из разных пьес и объединенные сквозной идеей — тем главным, что я несу людям. Мне кажется, что такое общение со зрителем тоже необходимо и полезно актеру.

— Велик ли в актерской профессии процент брака, и от чего он зависит?

— Условия приема в театральное училище, институт таковы, что преподаватели не всегда могут установить действительные способности и, главное, потенциальные возможности будущих актеров. Да и сама учеба отличается от работы в театре. Вот почему иногда ребята, которые «блистают» в училище, теряются, попав в театр. Здесь уже все зависит от их самостоятельности, самобытности, духовности, степени ответственности, умения войти в коллектив, выдержать творческую конкуренцию...

— И, кроме того, выдержать обстановку будней?

— Как сказать... Будни это ведь только для нас. Для зрителей их не должно быть. Зритель, который стремится попасть в театр, выстаивая длинную очередь за билетом, должен в любом случае получить эстетическое наслаждение. Ему нет дела до того, что Петров или Сидоров играют свою роль в сотый раз или что он занят пять вечеров подряд и давно не был в отпуске. И мы, артисты, обязаны доставить зрителю праздник, в этом наш долг художников, честь мастеров — представителей нашего артистического цеха. Много отношения к своему делу я не допускаю. Самые неяркие черты для меня как в артистах, так и вообще в людях — цинизм и равнодушие, с ними мы должны бороться силами искусства и вообще всеми своими человеческими силами.

Москва — Киев.

НА СНИМКЕ: Андрей МИРОНОВ в фильме «Достоиние республики».

ВЫ ПРОСИЛИ О НИХ РАССКАЗАТЬ

ПО ТУ СТОРОНУ КОМЕДИИ

